К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

- Benoit A. 2010. Bowl with human figure (Louvre Museum). Paris. URL: <https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/bowl-human-figure>. Дата обращения 15.04.2019 г.
- Breniquet C. 1992. A propos du vase halafien de la Tomb G2 de Tell Arpachiyah. In: *Iraq*. Vol. 54. P. 69–78.
- Dussaud R. 1935. Motifs et symboles du IVe millénaire dans la céramique orientale. In: *Syria*. Vol. 16. P. 375–392.
- Hijara I. 1978. Three New Graves at Arpachiyah. In: *World Archaeology*. Vol. 10, no. 2. P. 125–128.
- Ippolitonni-Strika F. 1990. A Bowl from Arpachiyah and the Tradition of Portable Shrines. In: *Mesopotamia*. Vol. 25. P. 147–174.
- Ippolitonni-Strika F. 1996. Halafian Art, Religion, Society: The Funerary Bowl from Arpachiyah — The Fringed Square as a “Sacred Rug”. In: *Mesopotamia*. Vol. 31. P. 5–31.

SCENE OF “HUNTING” ON THE ENEOLITHIC STELE FROM KERNOSOVKA: FIGURATIVE AND SUBSTANTIAL CORRESPONDENCES

Aleksandr M. Smirnov

Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Tell Arpachiyah, bowl, frieze, Black Sea region, stele, Eneolithic, scene of “hunting”, tomb.*

The frieze found in the painting of a bowl in one of the burials of the Halaf epoch at Tell Arpachiyah in Iraq became at once an object of discussion concerning its content, however none of the solutions proposed for this complex problem became the final one, in particular, because of the lack of parallels.

Hypothetically, a scene of “hunting” engraved on an anthropomorphous stele from the village of Kernosovka in the Northern Black Sea Littoral may be considered as such a parallel. In the center of the scene, a struggle of an anthropomorphic creature against aggressive enemies (here it is dogs) is represented. The purpose of two vertically positioned axes corresponds to the square in the frieze and is interpreted as a representation of the entrance similarly to paired spear-like figures in paintings on bowls from Susa I. The not predatory animals escaping (?), cow and turtle, shown behind the attacking predators were the goals of the “hunters” in both of the two compositions. This subject apparently was known in the Maykop culture, where in one of the tombs, two “ceremonious” axes were found while there were two figurines of dogs near the entrance.

МАЙКОП В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

В. А. Дергачёв

Институт культурного наследия АН Молдовы, Кишинёв, Молдова

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-128-131

Ключевые слова: *археология, преистория, майкопская культура, позднее Триполье, культурное взаимодействие.*

Историография проблемы взаимодействия майкопской культуры и Триполья достаточно скромна, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Эти культуры возникли под влиянием разных передовых центров древних цивилизаций и территориально были разделены обширными степями Северного Причерноморья и Приазовья, где к тому же известны курганные комплексы с достаточно скудным инвентарем. Отсюда основное внимание кавказоведов было обращено на связи майкопской культуры с Закавказьем, Передней Азией и отчасти с прилегающими с севера степными районами

Волго-Донского региона. А внимание трипольцев — преимущественно на связи с культурами Балкан и с примыкающими к Восточному Прикарпатья с севера и востока культурами лесостепных и степных районов Поднепровья.

Несмотря на более чем 100-летний период изучения обеих культур, проблема их взаимодействия впервые отчетливо обозначилась лишь после металлографических исследований Е. Н. Черных, определившего роль кавказского фактора в распространении в среде позднетрипольских племен мышьяковых бронз и целого ряда качественно нового набора оружия и орудий труда (втульчатые топоры, тесла с ассиметричным лезвием, желобчатые долота и др.). В этот же период появилась и гипотеза М. Гимбутас о второй — кавказской, миграционной волне, которая «содействовала» индоевропеизации «старой Европы». Идея эта, однако, из-за отсутствия на том этапе весомых аргументов вскоре была предана забвению.

Интерес к обозначенной проблеме возникает только с конца 1970-х гг., когда благодаря массовым раскопкам курганов И. Ф. Ковалёвой в Присамарье и степном Поднепровье все чаще стали обнаруживать погребения с типично майкопской керамикой. Вскоре вопрос об этой керамике был рассмотрен в одной из статей А. Л. Нечитайло, а несколько позже, с учетом иных категорий материалов, в ее специальной монографии. В последующие десятилетия, несмотря на резкое увеличение источниковой базы, проблема соотношения и взаимодействия носителей майкопской и позднетрипольской культур затрагивалась в работах разных специалистов, однако, как правило, она сводилась к учету лишь отдельных, бесспорно важных, но малозначительных категорий находок, например, посоховидных булавок-подвесок.

Целенаправленные исследования, выполненные автором для выяснения возможного соотношения и уровня взаимодействия обозначенных культур, привели к совершенно неожиданным результатам, суть которых сводится к следующим основным положениям.

Влияния майкопской культуры на позднетрипольские племена распространяются практически на все сферы социально-экономической, бытовой и духовной культуры (рис. 1, *горизонталь*): типично майкопское оружие из металла (втульчатые топоры и плоскочеренковые кинжалы) и кремня (наконечники стрел ромбовидной формы, ассиметричные с одним укороченным шипом и флажковидные; симметричные или ассиметричные наконечники дротиков/ножи); орудия деревообработки (тесла с ассиметричным лезвием и желобчатые долота); украшения (кольца-подвески в один, полтора или несколько витков из серебра, золота или меди и посоховидные подвески из разных металлов или кости); предметы культа (костяные или роговые палочки) и своеобразная керамика, разная по форме и технике орнаментации.

В позднетрипольском ареале перечисленные категории и типы, за исключением, пожалуй, культовых палочек, как правило представлены сериями от десяти до нескольких десятков экземпляров (например втульчатые топоры, наконечники стрел). Они зачастую встречаются в одних и тех же закрытых комплексах, и, что принципиально, порой в сочетании с типичной позднетрипольской керамикой — это важное обстоятельство, которое подтверждает их хронологическую одновременность и подкреплено имеющимися радиоуглеродными определениями.

Перечисленные категории и типы в большей или меньшей степени характерны для всех типов или локальных вариантов позднего Триполья периода СII (рис. 1, *вертикаль*), начиная с восточных — животилловско-волчанского и усатовского в степном Причерноморье, до крайне западного — гордишештского в Карпато-Поднестровье и северного — софиевского в Среднем Поднепровье.

Рис. 1. Категории и типы майкопских изделий и их соответствия в локально-хронологических группах позднего Триполья: 1–15 — топоры, кинжалы (1 — Майкоп; 2 — Клады; 3 — Хаджох; 4 — Балки; 5 — Херсонская губ.; 6 — Абрикосово; 7 — Александровка; 8 — Махмудия; 9 — Ивоновка; 10 — Ротунда; 11 — Вишоара; 12 — Гнидин; 13 — Гришенцы; 14 — Софиевка; 15 — Тараща); 16–32 — кремь (16–17 — Майкоп; 18 — Псекупская; 19 — Клады; 20 — Иноземцево; 21, 23 — Семёновка; 24 — Вишневатое; 25, 27 — Красное; 26 — Рошканы, 28 — Никольское; 29–31 — Костешты; 32 — Брынзены IV); 33–41 — тесла, долота (33–34 — Клады; 35 — Красноперекопск; 36 — Кировоградская обл.; 37 — Данку 1; 38 — Усатово 1; 39 — Хородиште; 40 — Репки; 41 — Репкинский р-н); 42–59 — булавки-подвески (42–44 — Клады; 45 — Синюха; 46 — Большой Кишпек; 47 — Сэрэтен; 48 — Ковалевка; 49 — Подгородное; 50 — Новомосковск; 51 — Богуслав; 52 — Траповка; 53 — Парканы; 54 — Усатово 1; 55 — Болград; 56 — Суворово-Кале; 57 — Казаклия; 58–59 — Бурсучень); 60–65 — предметы культа (60 — Иноземцево; 61 — Новокорсунская; 62 — Александровск; 63 — Красное; 64 — Брэилица; 65 — Костешты); 66–89 — керамика (66 — Майкоп; 67 — Общественное 2; 68, 70, 72 — Клады; 69, 71 — Красногвардейское; 73 — Соколовка; 74 — Облои; 75 — Зеленый Гай; 76 — Орджоникидзе; 77 — Соколово; 78 — Павлоград; 79 — Александровка; 80–81 — Казаклия; 82 — Рэскэец; 83 — Маяки; 84 — Усатово 1; 85 — Слободка-Романовка; 86–87 — Бурсучень; 88 — Костешты; 89 — Голеркань 1)

Массовое распространение майкопских изделий, связанных со всеми основными сферами социально-экономической и культурной жизни (включая духовную), а также их широкое восприятие носителями практически всех территориальных групп позднего Триполья (при их в целом бесспорной хронологической одновременности) приводят к выводу, что именно носители майкопской культуры явились главным фактором, обусловившим общую дестабилизацию и чрезвычайную активизацию культурно-генетических процессов в позднетрипольском ареале. Это выразилось в интенсификации взаимодействия разных территориальных групп населения как между собой, так и с инокультурными группами (на востоке — с постмариупольской/квитянской и ямной культурами, на западе — с культурами воронковидных и шаровидных амфор), что в конечном итоге привело к полному исчезновению трипольской культуры с исторической арены. Таким образом, М. Гимбутас явно была права в вопросе о миграции носителей кавказских культур на запад — в Карпато-Подунавье.

MAYKOP IN THE LATE TRIPOLYE CULTURE

Valentin A. Dergachev

Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Chişinău, Moldova

Keywords: *archaeology, prehistory, Maykop culture, Late Tripolye culture, cultural interaction.*

This work is devoted to the problem of interaction between the Maykop culture which originated from the North Caucasus and Late Tripolye culture of the Carpathian-Dniester region in the second half of the 4000 BC.

Researches have shown that archaeological artifacts of the Late Tripolye groups, reflect, to some extent, the dominating influence of the social-economic, cultural and spiritual aspects specific to the population of the Maykop culture. This fact is indicated by various types of metal and flint weapons, metal tools, metal and bone decorations, religious objects and pottery.

Taking in consideration the chronological correlation between these two cultures, it seems quite natural to conclude that people of the Maykop culture became the main factor of a general destabilization in the region and activated the cultural and genetic processes influencing the character of the development of the Late Tripolye culture. This process ultimately has led to the complete disappearance of the latter culture from the historical arena.